

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-99-106

«Ишь, и глаза, как озеро, пышут»: феномен зависти в повести «Яр» С. А. Есенина

Мария Игоревна Крупенина

Государственный академический университет гуманитарных наук

Москва, Россия

psickozzza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2482-8593>

Аннотация

Рассматривается феномен зависти в повести С. А. Есенина «Яр» на основе сцены, описывающей встречу нищенки и богомолки и заканчивающейся убийством последней. Хотя поэт не использует слово «зависть», он раскрывает тайную сущность и последствия этого явления. Автор вплетает в повествование христианскую символику и библейскую аллюзию, вербальные и невербальные коммуникативные средства, служащие своеобразным приемом «наращивания» чувства зависти и ее трансформации в преступление. Особую роль играют обрамляющий сцену говорящий пейзаж и символы природного мира, призванные пробудить богомолку от духовной дремоты. Однако она не слышит предостерегающего голоса Бога, так как грешна душой. Поэт по-своему интерпретирует трагическую развязку истории: только человек с чистой душой способен внимать Всевышнему.

Ключевые слова

Есенин, Яр, зависть, библейские аллюзии, христианский символ, пейзаж

Для цитирования

Крупенина М. И. «Ишь и глаза, как озеро, пышут»: феномен зависти в повести «Яр» С. А. Есенина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 99–106. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-99-106

“Look, and the Eyes, Like a Lake, Are Blazing”: The Phenomenon of Envy in the Story “Yar” by S. A. Yesenin

Maryia I. Krupenina

State Academic University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

psickozzza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2482-8593>

Abstract

Purpose. This article is aimed to consider the phenomenon of envy in S. A. Yesenin’s story “Yar”, based on a scene describing a meeting between a beggar and a pilgrim and ending with the murder of the latter.

Results. Although the poet does not use the word “envy” even once, he reveals its secret essence and consequences to which it leads. This is achieved (by) by the author through interweaving Christian symbolism and biblical allusions into the narrative. In addition, the verbal (double-barrelled compliment, provocation, condemnation) and non-verbal (related to the mention of eyes, their movements and expression) communicative means serve as a technique to build up a vicious feeling and show its transformation into a crime. A special role is played by the speaking landscape framing the scene. It both prepares the tragic denouement of the story and acts as a harbinger of trouble. The symbols of the

© Крупенина М. И., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 99–106

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 99–106

nature world are no less important. They are meant to awaken pilgrim from spiritual slumber. However, the heroine does not hear the premonitory voice of God, since she is sinful.

Conclusion. The poet interprets the tragic outcome of story in his own way: only a person with a pure soul is able to hear the God.

Keywords

Yesenin, Yar, envy, biblical allusions, Christian symbol, landscape

For citation

Krupenina M. I. "Look, and the Eyes, Like a Lake, Are Blazing": The Phenomenon of Envy in the Story "Yar" by S. A. Yesenin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 99–106. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-99-106

«Яр» – единственная прозаическая повесть Сергея Есенина, которая впервые была опубликована в 1916 г. Повесть в целом была плохо принята современниками поэта. Недооцененной она остается и в настоящее время [Михеев, 2014, с. 131], во многом, по мнению О. Е. Вороновой, из-за «абстрактности и утопичности социально-этического идеала главного героя, близкого автору, элементов мистики и фатализма в восприятии природы и ее власти над человеком, перенасыщенности повествования диалектизмами» [Воронова, 1985, с. 8]. Тем не менее исследователи отмечают и несомненное мастерство Есенина-прозаика, проявившееся в его способности достоверно выразить народный характер, отразить быт и уклад сельской жизни [Харчевников, 1975, с. 212; Булахтина, 2014, с. 10]. Безусловно, этим достоинства есенинского «Яра» не исчерпываются. Как «поэт мифологического чутья» [Галиева, 2016, с. 144] Есенин проявляет глубокое осознание фольклорной архаической действительности [Асташенко, 2023], в которой присутствует тесная связь с природой, мистикой, потусторонними силами. Отсюда проистекает непоколебимая вера есенинских персонажей в суеверия, знаки, предзнаменования, обряды, которые при правильном прочтении как героями, так и читателями позволяют расшифровать «значную эпопею Вселенной» [Галиева, 2016, с. 145]. В этом отношении одним из самых ярких и интересных эпизодов, на наш взгляд, является сцена, в которой нищенка из зависти убивает богомолку (ч. 3, гл. 2). Зависть преступницы выражена вербальными и невербальными средствами путем введения в повествование христианской символики и библейских аллюзий. Особую роль в контексте происходящих событий приобретает подготавливающий трагическую развязку истории пейзаж-предзнаменование беды и символы природного мира, предупреждающие богомолку о грозящей ей опасности. Однако героиня не способна понять и расшифровать знаки «свыше» из-за своей греховности. В этом аспекте повесть Есенина еще не рассматривалась в литературоведении.

Зависть – многоликий феномен. Во всех определениях исследователи подчеркивают ее связь с чувством досады, горечи и другими негативными эмоциями, возникающими при виде того, что другой обладает благом или преимуществом, которые отсутствуют у завистника, и сопровождающиеся желанием лишить их соперника [Прокофьев, 2010, с. 32; Бескова, 2017]. Как известно, зависть играет центральную роль в библейских притчах о падении, Каине и Авеле, братьях Иосифа и рабочих в винограднике. Коварство зависти заключается, как показывают многие источники, в том, что из нее рождается преступление [Севастьянов, 2018; Schimmel, 2008]. В повести С. Есенина «Яр» феномен зависти обыгрывается в первую очередь словами «ни сумы, ни сапог, ни поясов кожаных...», которые являются отсылкой к евангелию от Матфея («Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания», Мф 10: 9–10). Этим напутствием Спаситель внушает ученикам совершенную нестяжательность, желая прежде всего, чтобы они не возбуждали к себе подозрения и зависти. Вплетая в повествование библейскую аллюзию, поэт раскрывает читателю источник зависти и ее тайную мотивацию.

Таким символом искушения в повести является изначально именно «сума». Уже в начале эпизода богомолка привлекает внимание нищенки своим узелком: «У куста села, сумочку

развязывает... сухарики гложет с огурчиком» (Есенин, 2005, с. 113)¹. Это небольшое излишество пробуждает у нищенки зависть и жажду легкой наживы. Не без умысла она спрашивает богомолку: «Берегешь копеечку-то?» Четырежды звучат оторванные от истинного религиозного контекста слова «ни сумы, ни сапог, ни поясов кожаных» в мыслях и на устах богомолки, которая неверно истолковывает их на свой лад и передает сумку с деньгами нищенке: «Бедная ты, бездомная, возьми вот сумочку-то. Деньги тут. – Ни сумы, ни сапог, в писании сказано... – плачет» (с. 114).

Немаловажную роль для понимания сущности зависти играет прослеживающаяся между героинями аналогия, которая угадывается в их принадлежности к одной социальной среде: обе скитаются и носят все свое имущество с собой. Подобие обнаруживается и в их физическом описании, основанном на принципе зеркального параллелизма: странница еще в начале эпизода представлена с клюкой, побирушка ближе к концу повествования – с палкой. Вера в Бога становится еще одним связующим фактором. Хотя зависть отражает отсутствие веры в Божью премудрость, нищенка намеренно выдает себя за верующую, чтобы втереться в доверие к страннице. Об этом говорят ее слова и действия: «Телом своим причащаешься, – говорит побирушка. – Так ин лучше Богу заслужишь... <...> – Соснуть бы не мешало, – крепится побирушка» (с. 113).

В сцене встречаются невербальные и речевые признаки зависти. Первые связаны с упоминанием глаз, с их движениями и выражением. Согласно Я. А. Волковой, «завистливые глаза <...> пронзительны и колки. Поэтому человек, не желающий демонстрировать свою зависть, часто пытается скрыть это от собеседника, опустив взгляд, начав чаще моргать, прикрыв глаза, скосив глаза, прищулив глаза» [Волкова, 2014, с. 23]. Так, нищенка то «спрашивает искоса», чтобы узнать нужную ей информацию, то «пытливо глядит в глаза» страннице, ожидая ее ответа.

К речевым маркерам зависти относятся двусмысленный комплимент и провокация [Архангельская, 2011, с. 65]. Слова побирушки «Ишь, и глаза, как озеро, пышут» наиболее примечательны в контексте происходящего, так как звучат одновременно как похвала и как осуждение. Глаза выражают эмоции, чувства, считаются отражением души, но здесь становятся главным символом зависти. Нельзя возжелать чего-то, не увидев этого или образно не представив. Неслучайно глаза сраниваются с озером, которое вызывает ассоциацию с синью. Синий является в поэтическом пространстве Есенина заряженным особой жизненной энергией цветом [Кокорин, 2011, с. 285]. Иными словами, нищенка имеет в виду пышущие жизнью, верой, чистотой глаза богомолки.

Провокация со стороны побирушки направлена на то, чтобы вывести у богомолки, почему та ушла из дома, и найти в ее объяснении обоснование своей враждебности: «– Чай, с снохами-то неладно жила? <...> – Нет, родная, никого не обижала. – Врешь, поди» (с. 115). Объективация зависти сопровождается выражением очевидной враждебности, ретроспективной отсылкой нищенки к событиям прошлого странницы, что вовлекает первую в индивидуальное жизненное пространство второй и приводит к наращиванию порочного чувства, перерастающего в преступление. Как справедливо замечает С. Шиммель, завистливые люди часто скрывают свою зависть, «надевают мантию “справедливого” негодования и отрицают право человека на то, чем этот человек по праву владеет» [Schimmel, 2008]. Следовательно, злобные слова нищенки – проявление ее скрытого завистливого отношения [Булыгина, Трипольская, 2015, с. 197].

Из чувства зависти у побирушки рождается желание не только завладеть материальным имуществом странницы, но и потушить огонь жизни ее блестящих глаз. Об этом свидетельствует само окончание эпизода, в котором упоминаются уже угасшие, потухшие глаза богомолки. Согласно справедливому замечанию Р. А. Севастьянова, мотив зависти характерен для «совершения насильственных преступлений против личности». Здесь к тому же он соче-

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

тается и с другим мотивом – корыстью и «образовыва[ет] полимотивацию» при совершении преступления [Севастьянов, 2018, с. 226].

По мере усиления и трансформации зависти в преступление особое значение приобретает пейзаж, выступающий в качестве фона, который подготавливает надвигающуюся трагическую развязку. В данной сцене при описании пейзажа поэт использует заложенную еще в фольклоре и перешедшую в литературу традицию знаменания перед трагическими событиями [Муравьева, 2006, с. 505]. В пейзаже-предзнаменовании Есенина наибольшее внимание притягивают три составляющих его суть композиционных приема: внедрение в текст христианского и хтонического символов, в роли которых выступают птица и мышь; прием нисходящей (обратной) градации и полифоничность, создаваемая большим количеством шипящих звуков, которые позволяют рассматривать есенинский пейзаж в качестве говорящего универсума.

В статье «Символика природных образов у М. А. Шолохова и С. А. Есенина (на материале романа-эпопеи “Тихий дон” и повести “Яр”» Н. М. Муравьева отмечает частое обращение Есенина к птицам, которые становятся своеобразной символической проекцией на судьбу героев и отражением их духовного состояния [Там же]. В сцене встречи нищенки и богомолки присутствует частое упоминание иволги. С этой птицей связано много народных примет. Например, в статье «Семантико-прагматический статус народных примет» Ф. Ф. Гилемшин пишет, что по старинным поверьям иволга может предвещать изменение погоды: «Иволга в солнечный день издает резкие, похожие на кошачий визг, протяжные душераздирающие звуки – к приближению дождя» [Гилемшин, 2010, с. 59–60]. Хотя иволга чаще всего рассматривается как положительный символ, есть и другие толкования. Н. А. Агапова на основе самостоятельно собранного материала приходит к выводу, что иволга может служить предвестником смерти, так как «все лексические единицы – “воробей”, “иволга” и “птица” находятся в родовидовых отношениях и могут быть контекстуальными синонимами, а также объединены общей культурной семантикой, опирающейся на веру в то, что души умерших вселяются в маленьких диких птиц» [Агапова, 2012, с. 12]. Действительно, в этой связи сложно не согласиться с утверждением Э. В. Пугачевой о том, что «архетип Птицы многолик, [и] в большинстве случаев разгадка употребления того или иного вида восходит к мифологическим преданиям давно минувших веков, хотя порой авторская интерпретация предлагает собственное прочтение конкретного образа» [Пугачева, 2010, с. 140].

Упоминание иволги встречается трижды в рассматриваемом эпизоде, причем всегда в связи с последующим или предшествующим упоминанием глаз странницы: «Фюи, фюи, – гарчет плаксиво иволга. Тени облачные веки связывают. <...> – Глаза поволоклись морокой. Фюи, фюи, – гарчет плаксиво иволга. <...> – Фюи, фюи, – гарчет иволга. Глаза подернулись дымкой» (с. 113–115). Крик иволги производит тревожный эффект. Автор подчеркивает это через добавление к описанию звука прилагательного «плаксивый». При этом выбранный поэтом глагол «гарчить» («гаркать») дает понятие о виде звука – громкого, протяжного, пронзительного.

Связь крика иволги с описанием «дремотных» глаз странницы не случайна. Птица здесь выступает как символ божественной сущности [Дубровина, Кутьева, 2009], особый знак «свыше», голос Бога, который должен был пробудить в страннице бдительность, не давая ей полностью предаться дремоте, не только физической, но и духовной. При этом слова «дымка, морока» свидетельствуют не только о духовной слепоте героини, но и о ее греховности. В тексте несколько раз звучат слова самой странницы о совершенном ею грехе: «“О-ох, грешная я, – думает. <...> Господи, – шепчут выцветшие губы, – помилуй меня, грешную”» (с. 113). Именно из-за греховности, даже по собственному мнению, она неспособна испытать прозрение: оно так и остается незавершенным, несмотря на громкий голос природы.

Природа у Есенина – это не только своего рода одушевленный организм, но и весьма говорящий: и жалобным пением птицы, и голосом качающего кусты ветра, и шипением невидимых, но присутствующих там ползающих существ. Говорящая природа – довольно инте-

ресное явление в есенинской прозе. Если прочесть весь эпизод вслух, трудно обойти вниманием присутствие в нем большого количества шипящих звуков, создающих какофонию настораживающего шелеста и шороха: «По верхушкам сосен ветерок шуршит. <...> Заячий хряст заглушил шелест трав. Кусты задрожали» (с. 113–115). Зловещий шепот бора, как и крик птицы, звучит настораживающе и служит предупреждением богомолке.

Звуковое оформление характерно и для используемого поэтом приема градации при описании пейзажа для усиления и нагнетения зловещей атмосферы. Градация является вертикальной, т. е. идет от верха к низу: «По верхушкам сосен ветерок шуршит. <...> Тихо кусты качаются... Тень Господня под бором ползает. <...> В осиннике шаги аукают. <...> Зычный хряст заглушил шелест трав. Кусты задрожали. <...> Под стиснутыми руками как будто скреблась мышь» (с. 113–115). Согласимся с мнением исследователей, которые считают, что «принцип последовательного и постепенного изложения представляемых лексем и словосочетаний по степени их существенности, важности, а также однотипность предлагаемых для описания конструкций представляются понятными для осознания и ощущения эмоциональной насыщенности авторского текста для читателя или слушателя» [Стрикун, Середа, 2016, с. 47]. При этом описание пейзажа «по вертикали» создает своеобразную иллюзию снижения в преисподнюю: если вначале слышатся шепот ветра, шелест листвы и травы, то уже в самом конце сцены присутствует лишь царапанье, подпольный скрежет. Мышь, в свою очередь, выступает здесь как хтонический символ приближающейся и в конце концов наступающей страницы смерти.

Таким образом, феномен зависти в повести С. Есенина «Яр» имеет сложную структуру и несет глубокий философско-религиозный смысл. В тексте он актуализируется как на языковом, так и на образном и композиционном уровнях. Во-первых, сущность зависти раскрывается посредством внедрения в канву повествования библейской аллюзии, которая неверно истолковывается странницей, что приводит ее к заблуждению. Во-вторых, феномен зависти выражается автором при помощи проведения аналогии между героинями, а также вербальных и невербальных маркёров. Важную роль в анализируемом сюжетном событии играет говорящий пейзаж. Он одновременно подготавливает трагическую развязку истории и служит предзнаменованием беды. Однако богомолка не слышит предостерегающего голоса Бога, так как грешна душой. Греховность становится сдерживающим прозрение фактором и приводит к гибели героини. Поэт дает свою интерпретацию трагического события: голос Бога может услышать только тот, кто чист душой.

Список литературы

- Агапова Н. А. Ключевое слово народной приметы в лингвокультурологическом аспекте // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 5–14.
- Архангельская Л. Зависть: путь к победе или поражению? М.: Феникс, 2011. 140 с.
- Астащенко Е. В. Типологические схождения в литературоведении: на примере повести С. Есенина «Яр» и сказок А. Н. Толстого // Современное педагогическое образование. 2023. № 4. С. 245–248.
- Бескова Т. В. Особенности объективации зависти // Мировая наука. 2017. № 1 (1). С. 6–12.
- Булахтина О. Н. Повесть «Яр» в контексте эпистолярного и поэтического наследия С. А. Есенина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 10–13.
- Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Динамические процессы в содержании эмоциональных концептов «Зависть» и «Ревность» в славянских и романо-германских языках // Русин. 2015. № 3 (41). С. 191–206.
- Волкова Я. А. Невербальная концептуализация зависти в русской лингвокультуре // Вестник ТГПУ. 2014. № 2 (143). С. 21–26.

- Воронова О. Е.** Проза Сергея Есенина (жанры и стиль): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 206 с.
- Галиева М. А.** Фольклорные формулы в поэтике раннего С. А. Есенина (формула «Встану рано») // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 141–148.
- Гилемшин Ф. Ф.** Семантико-прагматический статус народных примет // Вестник ВятГУ. 2010. № 3. С. 56–60.
- Дубровина К. Н., Кутьева М. В.** Образ птицы: от Библии к художественному тексту // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2009. № 1. С. 69–77.
- Кокорин С. А.** Колоронимы в поэтическом творчестве С. А. Есенина: типы, функционирование // Вестник ЮурГППУ. 2011. № 12-1. С. 281–287.
- Михеев М. Ю.** Переключки «Яра» Есенина с «Тихим Доном» Шолохова – сюжетные, мотивные и текстуальные заимствования // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2014. № 4. С. 123–135.
- Муравьева Н. М.** Символика природных образов у М. А. Шолохова и С. А. Есенина (на материале романа-эпопеи «Тихий Дон» и повести «Яр») // Вестник ТГУ. 2006. № 4. С. 503–507.
- Прокофьев А. В.** Зависть // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Общ. ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. Т. 2. 634 с.
- Пугачева Э. В.** Ассоциативные поля образа Птицы в поэзии А. Ахматовой // Наука и современность. 2010. № 4-2. С. 139–143.
- Севостьянов Р. А.** Зависть как мотив совершения преступления // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 3А. С. 222–228.
- Стрикун Е. А., Середа Е.** Нарастание и спад как стилистические фигуры достижения выразительности в английском языке // Учен. зап. Санкт-Петербург. ун-та технологий управления и экономики. 2016. № 4 (56). С. 41–48.
- Харчевников В. И.** Поэтический стиль Сергея Есенина. Ставрополь: Ставропольский гос. пед. ин-т, 1975. 248 с.
- Schimmel S.** Envy in Jewish Thought and Literature // R. H. Smith (ed.), Envy: Theory and Research. Oxford: Oxford Uni. Press, 2008, pp. 17–38.

Список источников

- Есенин С. А.** Полн. собр. соч.: В 7 т. / Сост. и коммент. А. Н. Захаровой, С. П. Кошечкиной, Е. А. Самодоловой, С. И. Субботиной, Н. Г. Юсовой. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 5: Проза. 560 с.

References

- Agapova N. A.** Klyuchevoe slovo narodnoi primety v lingvokul'turologicheskom aspekte [A Key Word of a Folk Sign in a Linguoculturological Aspect. Language and Culture]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2012, no. 2 (18), pp. 5–14. (in Russ.)
- Arkhangelskaya L.** Zavist': put' k pobede ili porazheniyu? [Envy: The Way to the Victory or Defeat?] Moscow, Feniks Publ., 2011, 140 p. (in Russ.)
- Astashchenko E. V.** Tipologicheskie skhozheniya v literaturovedenii: na primere povesti S. Eсенина "Yar" i skazok A. N. Tolstogo [Typological Similarities in Literary Studies: Based on S. Yesenin's Story "Yar" and A. N. Tolstoy's Fairy Tales]. *Sovremennoye pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2023, no. 4, pp. 245–248. (in Russ.)
- Beskova T. V.** Osobennosti ob"ektivatsii zavisti [Features of the Objectification of Envy]. *Mirovaya nauka* [World Science], 2017, no. 1 (1), pp. 6–12. (In Russ.)

- Bulakhtina O. N.** Povest' "Yar" v kontekste epistolyarnogo i poeticheskogo naslediya S. A. Eсенина [The Story "Yar" in the Context of S. A. Yesenin's Epistolary and Poetic Heritage]. *Herald of Voronezh State University*, 2014, no. 4, pp. 10–13. (in Russ.)
- Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A.** Dinamicheskie protsessy v sodержanii emotsional'nykh konseptov "Zavist'" i "Revnost'" v slavyanskikh i romano-germanskikh yazykakh [Dynamic Processes in the Content of Emotional Concepts 'Envy' and 'Jealousy' in Slavic and Romance-Germanic Languages]. *Rusin*, 2015, no. 3 (41), pp. 191–206. (in Russ.)
- Galieva M. A.** Fol'klornyie formuly v poetike rannego S. A. Eсенина (formula "Vstanu rano") [Folklore Formulas in the Poetics of Early S. A. Yesenin (the Formula "I will get up early")]. *Scientific Dialogue*, 2016, no. 1 (49), pp. 141–148. (in Russ.)
- Gilemshin F. F.** Semantiko-pragmaticheskii status narodnykh primet [The Semantic and Pragmatic Status of Folk Signs]. *Herald of Vyatka State University*, 2010, no. 3, pp. 56–60. (in Russ.)
- Dubrovina K. N., Kutieva M. V.** Obraz ptitsy: ot Biblii k khudozhestvennomu tekstu [The Image of a Bird: From the Bible to a Literary Text]. *Russian Journal of Linguistics*, 2009, no. 1, pp. 69–77. (in Russ.)
- Kharchevnikov V. I.** Poeticheskii stil' Sergeya Eсенина [S. Yesenin's Poetic Style]. Stavropol, Stavropol State Pedagogical Institute Press, 1975, 248 p. (in Russ.)
- Kokorin S. A.** Koloronimy v poeticheskom tvorchestve S. A. Eсенина: tipy, funktsionirovanie [Coloronyms in S. Yesenin's Lyrics: Types, Functioning]. *The Herald of South Ural State Humanities-Pedagogical University*, 2011, no. 12-1, pp. 281–287. (in Russ.)
- Mikheev M. Yu.** Pereklichki "Yara" Eсенина s "Tikhim donom" Sholokhova – syuzhetnye, motivnye i tekstual'nye zaimstvovaniya [The Overlaps of Yesenin's "Yar" with Sholokhov's "Quiet Flows the Don" – Plot, Motive and Textual Borrowings]. *Lomonosov Philology Journal*, 2014, no. 4, pp. 123–135. (in Russ.)
- Muravyeva N. M.** Simvolika prirodnykh obrazov u M. A. Sholokhova i S. A. Eсенина (na materiale romana-epopei "Tikhii don" i povesti "Yar") [The Symbolism of Natural Formations in M. A. Sholokhov and S. A. Yesenin (Based on the Epic Novel "Quiet Flows the Don" and the Story "Yar")]. *Herald of Tomsk State University*, 2006, no. 4, pp. 503–507. (in Russ.)
- Prokofyev A. V.** Zavist' [Envy]. In: *The New Philosophical Encyclopedia*. In 4 vols. Ed. by V. S. Stepin. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. 2, 634 p. (in Russ.)
- Pugacheva E. V.** Assotsiativnye polya obraza Ptitsy v poezii A. Akhmatovoi [Associative Fields of the Image of the Bird in the Poetry of A. Akhmatova]. *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity], 2010, no. 4-2, pp. 139–143. (in Russ.)
- Sevostyanov R. A.** Zavist' kak motiv soversheniya prestupleniya [Envy as a Motive for Committing a Crime]. *Matter of Russian and International Law*, 2018, no. 3A (8), pp. 222–228. (in Russ.)
- Strikun E. A., Sereda E.** Narastanie i spad kak stilisticheskie figury dostizheniya vyrazitel'nosti v angliiskom yazyke [Increase and Decrease as Stylistic Figures for Achieving Expressiveness in English]. *Uchenyye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, 2016, no. 4 (56), pp. 41–48. (in Russ.)
- Schimmel S.** Envy in Jewish Thought and Literature. In: Smith R. H. (ed.). *Envy: Theory and Research*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2008, pp. 17–38.
- Volkova Ya. A.** Neverbal'naya kontseptualizatsiya zavisti v russkoi lingvokul'ture [Non-verbal Conceptualization of Envy in Russian Linguoculture]. *Herald of Tomsk State Pedagogical University*, 2014, no. 2 (143), pp. 21–26. (in Russ.)
- Voronova O. E.** Proza Sergeya Eсенина (zhanry i stil') [Sergey Esenin's Prose (Genres and Style)]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1985, 206 p. (in Russ.)

List of Sources

Yesenin S. A. Complete works: In 7 vols. Comp. and comment. by A. N. Zaharova, S. P. Koshechkina, E. A. Samodelova, S. I. Subbotina and N. G. Usova. Moscow, IWL RAS, 2005, vol. 5: Proza [Prose], 560 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Игоревна Крупенина, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID AAU-1838-2021
SPIN 9518-9870

Information about the Author

Maryia I. Krupenina, Candidate of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID AAU-1838-2021
SPIN 9518-9870

*Статья поступила в редакцию 28.09.2024;
одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 05.02.2025
The article was submitted on 28.09.2024;
approved after reviewing on 22.01.2025; accepted for publication on 05.02.2025*